Расторгуева В. С. Провинциальный текст русской литературы : Стальной Город и Человек (по произведениям липецких писателей) / В. С. Расторгуева // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 220—232. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-220-232.

Rastorguyeva, V. S. (2018). Provincial Text of Russian Literature: Steel City and a Person (on Works of Lipetsk Writers). *Nauchnyy dialog, 12*: 220-232. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-220-232. (In Russ.).

УДК 821.161.1(470.322)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-220-232

Провинциальный текст русской литературы: Стальной Город и Человек (по произведениям липецких писателей)¹

© Расторгуева Вера Сергеевна (2018), orcid.org/0000-0002-5821-4031, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия), rastrgueva-vera@rambler.ru.

Рассматривается проблема современного провинциального локального текста на примере произведений липецких авторов. Феномен липецкого текста заключается в том, что он имеет как давнюю традицию (у его истоков стоял А. А. Шаховской, автор комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды»), так и новейшую, рожденную недавно, когда Липецк стал областным центром, а Новолипецкий металлургический комбинат (или Завод как образ, существующий в современных текстах) — градообразующим предприятием. Уделяется внимание современной липецкой прозе, представленной рассказами и повестями липецких писательниц Т. Щегловой и Т. Скрундзь, в произведениях которых город впервые становится предметом художественной рефлексии. Исследование текстов Т. Щегловой и Т. Скрундзь приводит автора статьи к выводу о том, что липецкий провинциальный текст не только представляет особенности локальной ментальности, но и выходит к универсальным вопросам благодаря специфической поэтике. Отмечается, что символика городского текста построена на контрасте узкого локального пространства и вечного. Показано, что человек, зажатый в «стальном» городе, теряет свою идентичность, а попытки ее обретения приводят к трудной, почти неразрешимой ситуации выбора.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

Ключевые слова: липецкий текст; время и вечность; провинциальный топос и миф; культурный код.

1. Ввеление

Текст является одним из основных носителей культурной памяти, как информативной, так и творческой, существующей в закодированном виде [Томпсон, 2000, с. 16—17]. Как пишет Н. В. Худолей, «принято выделять три типа глобальных культурных кодов: дописьменный (традиционный), письменный (книжный) и экранный <...> В каждом культурном типе присутствует основной культурный код, открытый к изменению и самопорождению новых, вторичных культурных кодов. В письменном типе основным культурным кодом является текст [Худолей, 2014, с. 157].

Понятие «провинциальный текст» и соответствующий термин родились не так давно по аналогии с такими понятиями, как «столичный текст», «петербургский текст», «московский текст», введенными в широкий научный оборот представителями структуралистской школы, в частности, Ю. М. Лотманом, В. Н. Топоровым [Топоров, 1995, с. 368—369].

История формирования понятия «провинциальный (локальный) текст» прослеживается во многих работах. В. А. Викторович в статье «Коломенский текст» высказывает мнение, что локальные тексты, такие, как коломенский (сюда же входит и липецкий. — В. Р.), объединены общим названием «провинциальный текст» и несут в себе интегрирующее начало [Викторович, 2009, с. 336]. Каждая из составных частей провинциального текста, «обладая собственной спецификой, вносит взаимодополняющие обертоны» в текст русской литературы в целом. Например, В. Викторович, ссылаясь на В. Щукина, который считает, что у любого текста есть текст-код или основной миф этого текста, предполагает, что на такую роль в провинциальном тексте может претендовать фольклорный образ сонного царства [Там же].

В. В. Абашеев в книге «Пермь как текст», опираясь на исследования современных ученых, предлагает рассматривать текст как «стихийный и непрерывный процесс символической репрезентации места»; в результате «формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы» [Абашеев, 2000, с. 11].

История провинциального текста восходит к двум мифам, созданным русской классикой. С одной стороны, провинция, деревня — это райская жизнь на лоне природе, где человек сохранял свой первообраз, или

утраченный рай как память о былой идиллии. В традициях этого мифа в XX веке развивалась деревенская проза. С другой, провинция — это захолустье, такой салтыковский Крутогорск, где за красивыми пейзажами протекает бессмысленная, сонная жизнь его обитателей.

В представлении современного человека мифа о провинции как об утраченном рае практически не существует. Оппозиция «провинция — столица» лишена своего первичного сакрального смысла. По замечанию современного писателя А. Иванова, Москва давно не выполняет функции столицы по отношению к остальному пространству страны. Но и провинция не противопоставлена ей как идиллия. Напротив, в некоторых словарях, например, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой в одном из значений слова провинция актуализирована символика косности и отсталости [Ефремова, 2000]. Характеристики провинциальный и провинциализм сегодня имеют негативные коннотации. «Герой романа А. Иванова "Комьюнити" вспоминает картину ночного освещения планеты Земля: "В России — две лужицы (света. — В. Р.) на месте Москвы и Питера, несколько звездочек областных городов, каемка черноморского берега и поясок Транссиба... А вокруг — огромные пространства без огней, как без людей" [Иванов, 2014, с. 59]. Что таит в себе эта черная зона? В размышлениях героя Россия представлена архитепически, как конфликтное пространство двух полюсов, искусственно освещенного города и темной глухой провинции» [Расторгуева, 2018, с. 85].

2. Липецкий текст в контексте художественного провинциального дискурса

Липецкий текст появился еще в начале XIX века, в частности, получил воплощение в комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или липецкие воды» (1815), в это время Липецк представлялся милым, почти южным городком благодаря курорту «Липецкие минеральные воды», однако в XX и тем более в XXI веках как тип населенного пункта (промышленный город), так и его представление в провинциальном тексте существенно изменились.

Липецк и места, которые связаны с образованной позже, в 1954 году, из смежных районов Воронежской, Тамбовской, Орловской и Рязанской областей Липецкой областью, не раз описывались в произведениях как великих классиков, например И. С. Тургенева, которого орловцы считают по праву «своим», так и беллетристов, например, П. Д. Боборыкина, родившегося в Нижнем Новгороде, но навещавшего своего отца в селе Павловском, которое относилось к Лебедянскому уезду.

Мы склоняемся к точке зрения В. В. Абашева, предлагающего локальным текстом считать «текст культуры, определяющий наше восприятие

и видение места, отношение к нему» [Абашеев, 2014, с. 12] В рамках этого определения логично говорить о локальных липецких текстах, которые сформировались в середине XX — начале XXI веков. Липецк как областной центр с градообразующим предприятием — Новолипецким металлургическим комбинатом (его строительство началось еще в 1931 году) — стал предметом художественной рефлексии только в современных текстах разного уровня и разных жанров.

Фольклорная или мифологическая основа провинциального текста выполняет роль матрицы, продуцирующей новые современные тексты. Липецкие краеведы пытались таким мифом сделать пушкинский, поскольку имение бабушки великого поэта находилось недалеко от Липецка, однако этот миф не прижился в народе. Второй мифологической фигурой мог быть Петр Великий: мнения краеведов о его посещении Липецка разнятся. Одни считают, что Петр никогда не был в Липецке, другие, утверждают обратное, в частности, А. Ю. Клоков нашел документальное подтверждение тому, что в 1722 году Петр посетил Липские заводы Воронежской губернии [Клоков, 2006, с. 128]. Отметим, что Липецк вырос из Липских заводов до уездного города Тамбовской губернии лишь в 1779 году по указу Екатерины.

В настоящее время в городе появился памятник Петру и площадь его имени, которая больше привлекает липецкую молодежь новомодным фонтанным ансамблем. Легенды о посещении Петром Липецка, а затем в начале XIX века открытие курорта с минеральными водами определяли значение города вплоть до начала XX столетия.

Недавно в липецком краеведении стал складываться новый образ — усадебного локуса, однако окружают город разрушенные усадьбы, на восстановление которых нет денег. Восстановлена только усадьба Скорняково-Архангельское на частные вложения московского мецената Алексея Шкрапкина.

Таим образом, можно утверждать, что для современного Липецка мифология не стала тем культурным кодом, деархивация которого могла бы способствовать рождению нового липецкого текста и созданию необходимого культурного концепта, выражающего уровни национальной локальной ментальности.

И хотя ни горожане, ни краеведы не хотят связывать свой город с Новолипецким металлургическим комбинатом, избежать этого невозможно. Завод не только является градообразующим предприятием, благодаря которому город входит в ряд крупных промышленных центров (и в то же время самых загрязненных городов страны), но и определяет основные константы массового сознания жителей.

В современной прозе Липецк как топос [Прокофьева, 2005, с. 88] становится не предметом описания, а предметом рефлексии или выявления социальных типов. Липецк — «стальной город» [Щеглова, 2014, с. 86], «Город, в котором никогда не бывает свежо», «значится в списке самых загрязненных городов человеческой планеты», «тепла и жизни, <...> зимой, увы, в этом Городе нет и никогда не было» [Скрундзь, 2018, с. 116—117].

Наша работа представляет собой первое научное литературоведческое исследование липецкого текста в его современном существовании. Мы обращаемся к текстам, которые были написаны за последние десять лет. И поскольку это начало большого научного проекта, то первая статья будет посвящена прозе Т. Щегловой и Т. Скрундзь как наиболее ярких авторов, создающих объективную картину провинциальной жизни.

3. Липецкая проза Т. Щегловой и Т. Скрундзь

Т. Щеглова и Т. Скрундзь по стилю и мироощущению принадлежат к разным поколениям, при этом обе обращаются не только к образу Липецка. Так, анализируя произведения Т. Щегловой, можно говорить преимущественно о липецкой провинции, а пространство в прозаических произведениях Т. Скрундзь представлено значительно шире, что позволяет размышлять не только о липецком тексте, но о провинциальном тексте русской литературы вообще, где провинция маркируется как самодостаточный топос, обладающий собственными характерологическими чертами. Исследование произведений именно таких авторов позволяет создать объективную картину не только современной провинциальной действительности, но и национальной локальной ментальности.

Заметим, что практически во всех текстах авторов, живущих в провинции или пишущих о провинции, существует табуирование названий провинциальных топосов, как это было в классических произведениях (возникает некий город, который можно условно назвать N). Принцип табуирования вполне понятен: провинциальные города похожи как в России дореволюционной, так и в советской и постсоветской, уже сложилось устойчивое мнение, что они не отличаются какой-то особой архитектурой или типом сознания.

Согласно нашей гипотезе, изучение липецкого текста, как любого другого провинциального текста, может опровергнуть эту точку зрения, представленную еще у Н. В. Гоголя, или, напротив, подтвердить.

Татьяна Скрундзь в рассказе «Кукушка» говорит о власти времени, его быстротечности. По отдельным деталям читатель, живущий в Липецке, может узнать, что речь идет именно об этом городе. Автор описывает ныне

Соборную площадь, в прошлом носящую имя Ленина. В бывшем элитном доме, расположенном на этой площади, рядом со зданием администрации, находился гастроном, о котором сегодняшнее поколение молодых липчан не только не помнит, но и не знает:

Дом стоял в начале улицы, прямой, как взлетная полоса, возле старого собора, в котором в те годы располагался краеведческий музей. Стены собора были грязно-белыми, купола без крестов. Высокая храмовая колокольня виднелась издалека. Если высунуться на полторса из окна пятого этажа хрущевки, где я жил с бабушкой и родителями, колокольня просматривалась насквозь.

Под окнами пролегал проспект. Он упирался в просторную площадь, ограниченную с одной стороны соборным комплексом, с другой — памятником. За спиной памятника начинался квартал, состоящий сплошь из «сталинок». Это был самый богатый квартал в городе, жили в нем депутаты и градоначальники, и я знал об этом, потому что детсадовская однокашница была одной из них.

В одном из таких домов на нижнем этаже располагался самый большой в городе гастроном, в масштабах нашего городка сравнимый со столичным «Елисеевским». Иногда под стеклом витрин здесь можно было увидеть деликатесы вроде копченой колбасы [Скрундзь, 2018].

Эта площадь сегодня мало изменилась. Краеведческий музей переехал в другое здание, мало под него приспособленное, зато теперь он может гордиться несколькими выставками из Эрмитажа. Храм приобрел статус кафедрального собора, но здание администрации, памятник Ленину на площади стоят по-прежнему, совсем не изменившись, как и пятьдесят лет назад. Как считают архитекторы, площадь структурирована весьма гармонично: нечего добавить, нечего убавить. И памятник Ленину давно воспринимается не как объект советского прошлого, а как необходимый элемент пространства. Хотя, с точки зрения литератора, памятник гонителю церкви, стоящий рядом с храмом, смотрится эклектично, что, впрочем, соответствует сегодняшнему массовому сознанию.

В самом рассказе речь идет о мальчике, на которого неизгладимое впечатление произвели часы с кукушкой. Чучелка, выпрыгивающая из своего домика в определенные часы, соотносится с хозяйкой этих часов, кассиршей, тетей Шурой, работавшей в элитном гастрономе. Герой помнит, как она свешивалась из своей кассы-будки, чтобы быть поближе к нему, маленькому, не достающему до оконца. Так она становилась похожей на кукушку из часов. Подобная аллюзия в контексте всего рассказа не случайна. Человеку кажется, что он может быть хозяином жизни, времени. Именно

этим объясняется странная дружба бабушки мальчика, врача, и кассирши из элитного магазина.

На какое-то время героиня из кассы-будки становилась мнимой хозяй-кой времени. Однажды она, чтобы развлечь ребенка, несколько раз переводила часы, и они били, а кукушка выпрыгивала из своего домика. Эта игра со временем, которую придумала героиня, стала откровением для мальчика. Он внезапно понял, что ни тетя Шура, ни кукушка-чучелка, ни стрелки часов не властны над тем, кто отсчитывает время нашей жизни: ... я услышал присутствие чего-то, что выше времени, что имеет власть над ним и над всеми нами. Мне стало страшно и торжественно одновременно [Скрундзь, 2018].

Образ площади тоже не случаен в рассказе, хотя изначально носит прикладной описательный характер. Время безгранично властвует не только над человеком, но и над местом, где он живет. Если здания, памятник остались на площади прежними, то неизбежно изменился или, как в случае со зданием администрации, обновился его статус. Когда-то храм превратили в краеведческий музей, потом вновь устроили храм. Навсегда (а может, это только сегодня так видится) убрали гастроном из дома, чего только не было на его месте — офисы, кафе. Возможно, когда-то снова вернется магазин, только не гастроном, а супермаркет. Обращение к локусу площади и дома приобретает вневременной характер, позволяет автору рассматривать мир с позиций универсализма.

В маленькой повести Т. Щегловой «Играя на диджериду» из цикла «Лики любви» описывается ужин главного героя с женой в ресторане, размещавшемся на крыше высотного дома, в стекляшке [Щеглова, 2014, с. 75]. Речь идет о ресторане на крыше главной гостиницы города «Липецк». Герой вспоминает, как они покоряли этот город. Мысль о покорении провинциального города кажется чрезмерной: не Москва, не Петербург. И сам герой размышляет не столько об этом, сколько о том, насколько состоялась его жизнь.

Пространство рассказа только на первый взгляд кажется локализованным. Его границы достаточно размыты, а содержание стремится к символизации. У героя разумная жена Ирина и, подобная ветру, другая любимая — Ева, играющая на диджериду, архаичном инструменте аборигенов Австралии [Там же, с. 63]. Имя героини, ее образ жизни, легкость восприятия мира, ее танцы открывают для героя какую-то иную музыкальную реальность. Знаменательно, что со своей разумной женой Ириной он сверху смотрит на провинциальный покоренный городок, а с Евой наблюдает за облаками, напоминающими старинный замок.

Ева выбивает героя из налаженного ритма жизни, в которой все состоялось. Она выводит его из привычного локуса и открывает неведомый, не поддающийся его осознанию мир. Герой обречен жить между этими двумя реальностями: комфортным бытом побежденного провинциального города, до мерзости равнодушного, стального [Там же, с. 86], и небом, пространством вечности, которую, как известно, победить нельзя. Может быть, поэтому другой возлюбленный Евы, потеряв ее, предпочел смерть.

Особо следует отметить рассказ-притчу Т. Скрундзь «Ну здравствуй, Бог». Апокалипсический рассказ о Городе, Заводе, Человеке и, можно добавить, — о птицах. Узнаваем пейзаж Липецка, где на левом берегу реки Воронеж расположился огромный Завод, трубы которого напоминают о крематории, а на правом — Город. Река, разделившая Город на две части, обнажает архаические мифологические символы, становится своеобразным Стиксом. Человек оказывается зажатым между этими пространствами.

Город наполняют «маленькие люди» большого мира, на которых он стоит, словно на множестве крошечных ребер огромного кита, не смеющего бить хвостом, чтобы ненароком не стряхнуть со своей голодной, костлявой спины Землю, Космос и этот Город [Скрундзь, 2018, с. 117]. Главный герой Сергей знает о них все, потому что они вместе причащаются графита и огня вот уж более десяти лет, и если кто-то из них изничтожается в лаве раскаленной стали или уходит живым, на его место тут же приходит другой точно такой же и так же, как все остальные члены Завода, становится одним из ребер в едином теле гигантского животного, имя которому — Рабмирасего [Там же].

И вот одному из этих «маленьких людей», винтиков «большого мира», Бог, явившийся в виде городского сумасшедшего, бомжа-побирушки, предлагает осуществить то, что он хочет. И герой очень долго пытается припомнить, хочет ли он чего-нибудь, есть ли у него мечта. А когда его неожиданно осеняет, — он хочет свободы, — «Бога» забирает патрульная машина.

Городу, Заводу, своеобразному Левиафану, в котором затерян, зажат маленький человек-винтик, противопоставлен мир птиц, которые поют только о том, что знают, — о небе, солнце, дожде и ветре, о мошках и комарах и, может быть, еще о брачной жизни в своих гнездах и сердцебиении своих птенцов сквозь скорлупу не высиженных еще до конца яиц [Там же, с. 116].

Образы птиц, лошадей как знаки другого природного мира являются сквозными в произведениях Т. Скрундзь. В рассказе «Птичий поцелуй» местом действия становится подмосковная дача водопроводчика Марка Ильича, вернее, заброшенный «дремучий вишневый сад»: Годами неухо-

женный, сад стал обиталищем разнообразных птиц и был полон темной, влажной таинственности. Стоял май. Под деревьями кружевным ковром расстилался вишневый цвет, недавно осыпавшийся. Было видно, что ветки деревьев уже налились соком и позеленели [Скрундзь, 2016, с. 140]. Аллюзии с чеховским и райским садом разрушаются очень быстро. Ночной сад и сад ранним утром пробудил в старом водопроводчике детскую радость бытия. Ему захотелось остаться здесь навсегда. Птицы, облепившие крыльями лицо, пьющие капельки его слюны, вернули героя в то время, когда человек и природа были едины: В эту минуту Марк Ильич участвовал в небывалом единении с временем и природой. Была бы на то воля его, превратился бы сам в соловья или жаворонка, например, чтобы так же легко и весело щебетать беспечным и свободным, что да — но только птицам и маленьким детям, но никак не замшелым водопроводчикам в большом суетливом городе [Там же, с. 141].

Но идиллия воссоединения с природой и утраченным раем закончилась быстро. Марк Ильич увидел в своем диком райском саду труп дворовой собаки, его поразило то, как птицы, только что пившие из его рта, так же пили из глаза дохлой собаки. От прежнего умиротворения и детского восторга не осталось и следа. Герой навсегда уезжает в свой суетный город.

Птицы как украшение божественной природы и как символы душ умерших в рассказах автора утрачивают первоначальную функцию, они только знаки современного мира, в котором, как говорит автор, смерть везде и в бывших райских садах тоже.

У Т. Щегловой все иначе. Ее мир населяют самые разные люди, чаще всего описываемые как социально-психологические типы, известные со времен реализма. Например, сотрудники единственной большой редакции города — с трехдневным перегаром, такой же давности щетиной на лицах и сальными каламбурами [Щеглова, 2007, с. 143]. Или «короткий человечек» [Щеглова, 2007, с. 154] в эпоху, когда город поддержал ГКЧП, успел захватить выгодное место, на котором теперь маялся от непонимания того, что должен делать в сфере, очень от него далекой. Или одинокие старики, у которых героиня моет пол, хотя есть близкие родственники, например, внук; моет, потому что ей их жалко, а внуку нет. Одинокий провинциальный художник, раздающий свои картинки, которым скоро цены не будет. Елизавета Евгеньевна Кранц, учившаяся в Петербургской консерватории вместе с Шостаковичем и Рахманиновым. Они тоже рабы мира сего. Героине их жалко до слез. Но она призывает взглянуть на жизнь как нечто высшее, рассмотреть сверху то, что внесло путаницу во все и не желает сделать нужное совмещение [Там же, с. 136].

В прозе Щегловой нет места «царствию белых лошадей», всепоглощающей смерти. В рассказе «Тем, кто меня любил», вспоминая о близких ушедших людях, она описывает момент отпевания, когда вспышка света на миг озарила церковь, все это заметили, стены окрасились золотым. Свет невечерний... [Щеглова, 2012, с. 353].

4. Заключение

Исследование произведений малой прозы Т. Щегловой и Т. Скрундзь в контексте провинциального текста позволяет говорить о том, что липецкий текст не только отражает особенности локальной ментальности, но и преодолевает узко провинциальную тематику. Символика городского текста построена на контрасте узкого локального пространства и вечного. Представление социальных типажей провинциального города, описание особенностей местности вписываются в контекст вечных вопросов любви, одиночества, поиска своего места в жизни, роли времени в судьбе человека и т. п.

В произведениях липецких авторов человек, зажатый в «стальном» городе, теряет свою идентичность, а попытки ее обретения приводят к трудной, почти неразрешимой ситуации выбора. Следует подчеркнуть, что липецкий топос тяготеет к архаическим системам мифологического пространства. Город, разделенный рекой на левый берег, где расположен Завод, и правый, где раскинулся жилой комплекс, несет в себе мертвое и живое начало, что определяет сознание несвободы.

Проведенное исследование рассказов липецких авторов позволяет сделать вывод о том, что липецкий текст строится на символах-антиподах, на борьбе жизни и смерти. Жизнь провинциального городка в текстах женщин-писательниц вдруг превращается в своеобразную симфонию-реквием. Очевидно, что в маргинальном мире города металлургов живут и занимаются творчеством талантливые художники, писатели, поэты. Смогут ли они объединиться и создать культурный концепт, общий для всех, покажет время.

Источники

- 1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. Москва : Русский язык, 2000. Режим доступа : https://www.efremova.info/word/provintsija.html#.XB4x4fZuI2w.
- 2. *Иванов А.* / А. Иванов Комьюнити. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
- 3. *Скрундзь Т.* Кукушка [Электронный ресурс] / Т. Скрундзь // Новый журнал. 2018. № 209. Режим доступа: http://magazines.russ/ru/ni/2018/290.
- 4. Скрундзь Т. Ну здравствуй Бог / Т. Скрундзь // Петровский мост. 2018. № 3. С. 116—124.

- 5. Скрундзь // Нева. 2016. № 7. С. 140—143
 - 6. *Щеглова Т.* Без нот / Т. Щеглова. Липецк : Солирис, 2007. С. 5—325.
- 7. *Щеглова Т.* Играя на диджериду / Т. Щеглова / Т. Щеглова. Лики любви. Липецк : Солирис, 2014. С. 57—92.
- 8. *Щеглова Т.* Тем, кто меня любил / Т. Щеглова / Т. Щеглова. Примите удобную позу. Липецк : Солирис, 2012. С. 334—353.

Литература

- 1. *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. 404 с.
- 2. *Викторович В. А.* Коломенский текст русской литературы : к определению понятия / В. А. Викторович // Коломна и Коломенская земля : история и культура : сборник статей. Коломна, Лига, 2009. С. 336—346.
- 3. *Клоков А. Ю.* Новые документы о пребывании Петра I на Липецких заводах / А. Ю. Клоков. Липецкий вестник архивиста: научно-информационный бюллетень, 2006. Вып. 1. С. 127—130.
- 4. *Прокофьева В. Ю.* Категория пространство в художественном преломлении : локусы и топосы / В. Ю. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета (ОГУ), 2004. № 11. С. 87—94.
- 5. *Расторгуева В. С.* Современная проза : поэтика отражений / В. С. Расторгуева. Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова -Тян- Шанского, 2018 184 с.
- 6. *Томпсон Д*. Э. Память и поэтика / Д. Э. Томпсон // Братья Карамазовы и поэтика памяти. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. 344 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 28).
- 7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. Москва : Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1995. 624 с.
- 8. *Худолей Н. В.* Культурный литературный код современного российского читателя / Н. В. Худолей // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-1. С. 156—164.

Provincial Text of Russian Literature: Steel City and a Person (on Works of Lipetsk Writers)¹

© Rastorguyeva Vera Sergeyevna (2018), orcid.org/0000-0002-5821-4031, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Lipetsk

¹ The study is financially supported by RFBR and Department of education and science of the Lipetsk region within the framework of the scientific project "Provincial (Lipetsk) text: linguistic and cultural aspects and mental and essential characteristics" (№ 18-412-480003).

State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia), rastrgueva-vera@rambler.ru.

The problem of the modern provincial local text on the example of the works of Lipetsk authors is considered. The phenomenon of the Lipetsk text consists in the fact that it has both a long tradition (A. A. Shakhovsky, the author of the comedy "Lesson to Coquettes, or Lipetsk Waters", stood at its origins), and the newest, born when Lipetsk became the regional center, and the Novolipetsk iron and steel plant (or the Plant as the image of modern texts) became the city-forming enterprise. Attention is paid to modern Lipetsk prose, presented by stories and novels of Lipetsk writers T. Shcheglova and T. Skrundz, in whose works the city for the first time becomes the subject of artistic reflection. The study of the texts by T. Shcheglova and T. Skrundz leads the author to the conclusion that the Lipetsk provincial text not only represents the peculiarities of the local mentality, but also comes to universal issues due to specific poetics. It is noted that the symbolism of the city text is built on the contrast of narrow local space and eternal. It is shown that a person trapped in a "steel" city loses his / her identity, and attempts to acquire it lead to a difficult, almost insoluble situation of choice.

Key words: Lipetsk text; time and eternity; provincial topos and myth; cultural code.

Material resources

Efremova, T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (2000). Moskva: Russkiy yazyk. Available at: https://www.efremova.info/word/provintsija.html#.XB4x4fZuI2w. (In Russ.).

Ivanov, A. (2014). Komyuniti. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka- Attikus. (In Russ.).

Shcheglova, T. (2007). Bez not. Lipetsk: Soliris. 5—325. (In Russ.).

Shcheglova, T. (2012). Tem, kto menya lyubil. In: Shcheglova, T. *Primite udobnuyu* pozu. Lipetsk: Izdatelstvo «Soliris». 334—353. (In Russ.).

Shcheglova, T. (2014). Igraya na didzheridu. In: Shcheglova, T. *Liki lyubvi*. Lipetsk: Izdatelstvo «Soliris». 57—92. (In Russ.).

Skrundz', T. (2016). Ptichiy potseluy. Neva, 7. 140—143. (In Russ.).

Skrundz', T. (2018). Kukushka. *Novyy zhurnal, 209*. Available at: http://magazines.russ/ru/ni/2018/290/. (In Russ.).

Skrundz', T. (2018). Nu zdravstvuy Bog. *Petrovskiy most*, 3. 116—124. (In Russ.).

References

- Abasheyev, V. V. (2000). *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kulture i literature XX veka*. Perm': Izdatelstvo Permskogo universiteta. (In Russ.).
- Khudoley, N. V. (2014). Kulturnyy literaturnyy kod sovremennogo rossiyskogo chitatelya. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv, 29-1. 156—164. (In Russ.).
- Klokov, A. Yu. (2006). Novyye dokumenty o prebyvanii Petra I na Lipetskikh zavodakh. Lipetskiy vestnik arkhivista: nauchno-informatsionnyy byulleten, 1. 127—130. (In Russ.).
- Prokofyeva, V. Yu. (2004). Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (OGU)*, 11: 87—94. (In Russ.).

- Rastorguyeva, V. S. (2018). *Sovremennaya proza: poetika otrazheniy*. Lipetsk: LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. (In Russ.).
- Tompson, D. E. (1999). Pamyat' i poetika. In: *Bratya Karamazovy i poetika pamyati*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. (Seriya «Sovremennaya zapadnaya rusistika», 28). (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoet-icheskogo. Izbrannoye.* Moskva: Izdatelskaya gruppa «Progress» «Kultura». (In Russ.).
- Viktorovich, V. A. (2009). Kolomenskiy tekst russkoy literatury: k opredeleniyu ponyatiya. In: *Kolomna i Kolomenskaya zemlya: istoriya i kultura: sbornik statey.* Kolomna, Liga. 336—346. (In Russ.).